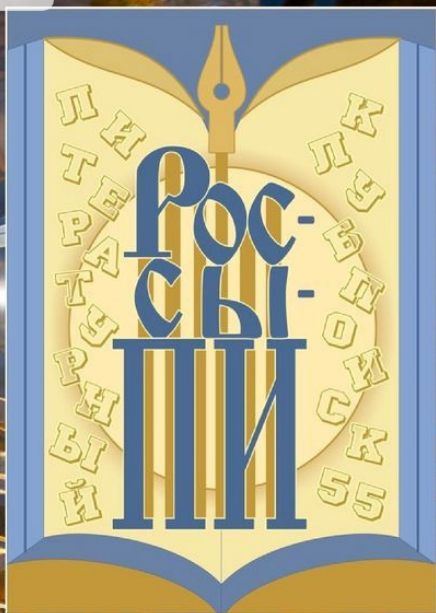

18+

Олег Саница Россыпи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57488813

ISBN 9785005141361

Аннотация

Сборник стихов и прозы посвящен 55-летию литературного клуба «Поиск», приурочен к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 65-летию города Кирово-Чепецка. Материалы даны в авторской редакции.

Содержание

Евгений Жуйков	10
Юный князь	12
К родным поместьям	13
Стёжки-дорожки	15
Всегда с нами	17
Полог	19
По трапу времени	22
Завиток	26
Валентине	28
Завтра	29
В ходу	31
Над книгой поэта	33
Николай Сластников	35
Светлане Сырневой	38
Дом	39
Коридоры России	42
Ночной человек	44
Картина	45
Кто мы есть	46
Старый таджик	47
Когда не станет нас	50
Уходят друзья-поэты	52
Светлана Сырнева	52

Валерий Верстаков	55
Галина Кустенко	56
Евгений Жуйков	58
Валерий Верстаков	60
Видения васнецовских богатырей	61
К полёту первого космонавта	63
Памяти Николая Зубарева	64
Приди	67
Зеркало	68
Слушая С. Рахманинова (2-й концерт)	70
Вивальди	72
Памяти Ван-Гога	74
Эль-Греко	75
На околице жизни	77
Сумерки	78
Красный конь (сон)	79
Песня не допета	81
В память покинутых деревень	83
Околица души	84
Олег Шатков	85
Изба	86
Русь	88
Мизгирь (одинокчество)	90
Роща	92
Сильки	93
«Янтарь»	94

Россыпи

Олег Саница *Фотограф*

Юрий Данилов *Редактор*

Валерий Верстаков (рисунок) *Дизайнер обложки*

Сергей Чарушин (фото) *Дизайнер обложки*

Евгений Жуйков *Редактор*

Анатолий Фокин *Редактор*

© Олег Саница, фотографии, 2020

© Валерий Верстаков (рисунок), дизайн обложки, 2020

© Сергей Чарушин (фото), дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-4136-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В добрый путь, Книга!

Эта книга, которую вы, читатель, держите в руках, издание, можно сказать, вековое. Во-первых, она появилась на свет в знаменательный для нашего народа год – 75-летия Победы над фашизмом. И дальше, сколько бы лет ни прошло, каждый год эта дата – 9 Мая – будет для всех нас, от мала до велика, «праздником со слезами на глазах», олицетворением огромной трагедии и неповторимого ратного подвига миллионов наших прадедов и дедов, прабабушек и бабушек. Во-вторых, книга появилась в год 65-летия Кирово-Чепецка – сравнительно молодого города, но у которого много-

вековая история, если знать, что вырос он на месте древнего села Усть-Чепца, возникшего, согласно первым летописным упоминаниям, в начале XV века на слиянии двух больших рек – Вятки и Чепцы. И, наконец, в-третьих: авторами этой книги стали члены кирово-чепецкого литературного клуба «Поиск», который в декабре 2020-го отмечает свое 55-летие.

Это событие, безусловно, общественно значимое. И не только потому, что в сравнительно небольшом городе уже более полувека существует такое объединение, как литклуб. Причем не просто существует – действует, регулярно отмечая этапы своего развития новыми книгами. Достаточно вспомнить, что еще в 1991 году увидел свет солидный сборник произведений шести «поисковцев» «Светает» – первый на вятской земле опыт издания книги за счет ее авторов при поддержке городских властей. А потом были сборники «Там, где в Вятку впадает Чепца» (2001 год), «Город над Вяткой и над Чепцой» (2005), другие коллективные публикации. Но наиболее резонансной стала книга «Сполыхи», изданная в 2010-м (в год 65-летия Великой Победы, 55-летия Кирово-Чепецка и 45-летия «Поиска») опять же при поддержке городской администрации и объединившая стихи и прозу почти тридцати участников клуба. Ее сквозной темой стала победа нашего народа в Великой Отечественной войне, непреходящая память о всех тех, кто пал на ее фронтах, кто, как мог, приближал незабываемый май 1945-го. И знаменательно, что книга эта была удостоена пре-

мии Правительства Кировской области. Не менее этапным стал большой сборник стихов и прозы участников литклуба «Изустье» (2015 год), снова трижды юбилейный. А ведь были еще десятки авторских книг «поисковцев», опубликованные в разные годы и получившие читательский отклик. Некоторые из их авторов отмечены районными, областными и даже всероссийскими литературными премиями, четверо в разное время были приняты в члены Союза писателей России.

Думается, все «поисковцы» так или иначе связаны генетической памятью с Великой Отечественной, потому что в семье каждого, наверное, хранят, передавая из поколения в поколение, воспоминания о родных и близких – фронтовиках, сберегая пожелтевшие фотоснимки, письма-треугольники из «огневых сороковых». И все мы так или иначе связаны с Кирово-Чепецком, потому что кто-то родился здесь, кто-то волей судеб приехал сюда, но для всех этот город стал родным. Хотя всех нас объединило не столько место жительства, а сколько внутренняя потребность выразить себя, свои душевные поиски в слове, то есть в творчестве, будь то стихи или проза. И пусть авторы новой книги разнятся по возрасту, как и по уровню поэтического (прозаического) мастерства, все они искренни в творческих исканиях, в корневой привязанности к своей малой родине, которая и есть частица Отечества нашего.

В добрый путь, Книга! Добрых встреч тебе с равнодуш-

ными читателями.

Евгений ЖУЙКОВ,
член Союза писателей России.

Евгений Жуйков

«Мои годы еще в ходу...»

В окошке моём – зима,
в окошке моём – двор,
где тесной стеной дома,

а хочется на простор,
открытый со всех сторон,
где ветер сшибает влёт
и ворона, и ворон
в не лучшую из погод.
Где вешее пенье струн —
быльня на лугах в снегу.
И вьётся на стягах Перун
небесной острасткой врагу...
Родные просторы, какой
их силищей бережёт?!
Позёмка ещё над рекой,
да зреет уже ледоход.

Юный князь

Через кровь, через гнусь —
возвращусь из похода
на родимую Русь,
к той заставе у брода,
где и молод, и зол
(подымайтесь-ка, братцы!)
я дружиною шёл
да с погаными драться.
Головой постоять
за сожжённые сёла.
Ты прости меня, мать,
будет сеча весёлой.
Мне себя не сберечь,
встретя саблю косую,
хоть одну с вражьих плеч
да башку-то снесу я...
Мне не жить во тщете —
ни с женой, ни с народом.
Может, и на щите
возвращусь из похода.
Но вернусь же, вернусь
к святам нашего рода!
На родимую Русь,
к той заставе у брода.

К родным поместьям

Душно и тяжело в автобусе.
Снова под Новый год
медленно, словно по глобусу,
в гору автобус ползёт.

Да и дорога-то зимняя —
перемело опять.
Дама,
бабка с корзиною,
с пивом за пазухой – зять.

В этом автобусе,
раненько,
на перепутье страны —
в норке ли,
в ватнике рваненьком —
все как будто равны.

Все в прицеле кондуктора,
даже с портфелем мужик.
Голос – как из репродуктора:
«Щас остановка Ежи».

Вслед – Перелаз,
Посудино.

К выходу – этот и тот...
Пусть горожане,
отсюда мы,
в званье едином – народ.

Стёжки-дорожки

Тоскливо.

Сейчас бы в поезд
и, вскочив на подножку,
всем поклониться в пояс —
ботинкам и босоножкам.

Всем,
кто вновь остается,
кто на прощанье машет.
Скоро блеснут болотца
страны необжитой нашей.

Станут навстречь составы
гремять, купе напрягая.
Всем,
кого я оставил,
осталась и жизнь другая.

Лучше она или хуже —
тоскливо не оттого ли,
что, болью обезоружен,
кому-то доставил боли.

Стою прощенья —
не стою,

НО ПОМАСУ С ПОДНОЖКИ
ВСЕМ,
КТО СО МНОЮ С ЛИХВОЮ
ОТМЕРИЛ СТЁЖКИ-ДОРОЖКИ.

Всегда с нами

Ушёл отец —
навсегда теперь.
Зачем же его походка
все видится мне?
И та дверь,
и эта в альбоме фотка —
еще не рамке.
И как живой
глядит он в глаза мне,
как бы
ни повернулся —
хоть сядь,
хоть стой.
И рядышком мама —
без свадьбы.
Какая свадьба,
когда война
ещё грохотала, казалось.
Но что-то —
как горстка к горстке зерна —
на целую жизнь связалось.
Теперь они,
молодые,
вновь
вместе – за небесами,

где-то там,
где мир да любовь...
И с нами они,
с нами.

Полог

Которую ночь не спится.
От всех передумок и дум
не спиться бы, ох, не спиться,
ох, не надумать беду.

Бессонья и час так долог,
хоть пой себе или вой.
Сейчас бы в бабушкин полог —
как в детство моё с головой.

Там поезда Транссиба
считали за стыком стык,
выстукивая «спасибо»
каждый, казалось, миг.

Там под угором, казалось,
Страна кочевая моя
Жила от вокзала к вокзалу,
как я – от ручья до ручья.

Не зная, казалось, пределов,
летел за составом состав.
И от деревни летела
за ними просёлка верста.

И не по ней ли когда-то
уйти мне куда-то туда,
чтоб через многие даты
сюда возвращаться, сюда.

Где врос в болотину волок,
но так же стучат поезда,
и словно бабушкин полог —
и думы мои, и года.

Давно дождя-то не бывало...
Так говорят у нас,
когда
ненастье словно покрывало —
и день, и ночь с небес вода.

И впору взять билет на лайнер,
куда-нибудь на Кипр свалить...
Зачем же водочка не с лаймом —
Вкусней с огурчиком своим?

Понятней станет поговорка,
что хорошо,
где нету нас.
Коль Родина ворвётся в створку,
Под Ницей где-то в поздний час.

И так потянет разнотравьем

с её лугов,
перед дождём,
Что вновь поймёшь —
На переправе
Коней менять – играть с огнём.

По трапу времени

В лагере,
помню с детства,
под треньканье старой гитары
мы, пионеры советские,
пели про Че Гевару.
Пели и про Фиделя —
он,
бородатый дядька,
Штатам в пределах цели
был горше редьки на грядках.
Вроде бы, что нам Манхеттен,
в «Макдональдсах» бутерброды?
Вот Куба – остров свободы,
возьми обуздай-ка —
хрен там!
Что может быть интересного
в ихних хвалённых Штатах?
Думалось так когда-то
в лагере пионерском...
Ныне же
(бойся не бойся
санкций Обам да Трампов)
русские, а по-свойски
сходим в Майами по трапу.

Растеплелось, словно где-то
жгут костры – пускай зазря.
А ведь это – бабье лето,
бабий век в полсентября.

Ты идёшь, под руку взявши
силуэт привычный мой,
под листвою не иззябшей,
но уже едва живой.

И не мальчик, не девчонка,
Но, кажись, лишь захотеть,
можем и на самой тонкой
паутинке улететь.

А вернёмся ли?
Об этом
скажут дни календаря.
Но пока что – бабье лето,
Жгут костры – пускай зазря.

Во мне ещё бродят какие-то силы,
их не разбудишь взяткой...
За былью быль прирастает Россия,
а Волга – моею Вяткой.

А Вятка – тысячью шустрых речек,

ручьишек – из-под коряжек.
Пусть на земле я, увы, не вечен,
да жил, надеюсь, не зря же.

И жил.
И живу.
И ещё поживу-ка,
ни с кем не играя в прятки.
Ещё пожую лугового лука
по берегам моей Вятки.

Солнышко,
привет тебе, привет!
Сколько дней среди наших зим и лет
так нечасто к нам являешься,
где ты, шаловливое,
где шляешься?
Посвети,
где трудно мы живём,
хоть досыта и едим, и пьём.
Любим ли, не любим —
чаще маемся,
хоть у края,
но за жизнь цепляемся.
Смолоду весь мир —
к добру житьё,
а потом – бытовуха да шмотьё?
Вместе мы с любимой иль расстанемся —

был бы путь
да на пути пристанище,
да её за пазухой портрет...
Солнышко,
привет тебе, привет!
И пусть жизнь,
как лёд,
порой ломается,
дай-то бог,
идти ещё да маётся.

Завиток

Конечно, не те уже силы,
растрчено много зазря.
Но только б светило светило
без всякого календаря.
Без всяких примет и поверий,
чтоб снова,
противясь судьбе,
душа нараспашку —
как двери,
когда я срывался к тебе.
Пусть было их —
не на венчанье —
немало подружек и встреч.
Но было дороже молчанье
твоих неуступчивых плеч.
Хотя —
от росы на рассвете —
мой согревал их пиджак,
и всё,
что случилось пред этим
я отдал бы и за пятак...
Ничто вернуться не может,
и годы —
всё новый виток.
Да только,

как прежде,
тревожит
твой у виска завиток.

Валентине

Лёд целинный на реке.
Ночь темна.
Светла луна.
Но уже невдалеке —
чую кожей – весна.

Ветер с юга иль норд-ост
погадает по щеке.
И, очнувшись, паровоз
что-то свистнет в тупике.

И меня из тупика,
из последнего пике
выведет твоя рука
без гаданья по руке.

Не умеем мы с тобой
жить, как ветер, налегке.
Только б ты – всегда со мной,
только бы – рука в руке.

Завтра

Снег последний скоро истает,
на припёках зелень уже.
И опять перелётная стая
на родной приземлится меже,
про межу ничего-то не ведая —
пролегла она,
да не видать.
И опять за чьей-то победою
затаилась, может, беда.
Затаилась,
как шифр на папирусе:
мол, пока человеку дыши.
Но коварней коронавируса
не одышка —
удушьё души.
Всё, что было веками нажито,
что бросало не только в пот,
как в скрижалях,
уже и в гаджетах.
Даже наш генетический код
в зоне доступа.
И наизнанку
препарированная душа...
Но пока налегке спозаранку
по росе ещё в доступе шаг,

как понять —
не какая-то акция
жизнь твоя,
хоть она и пройдёт.
Зашифровано не в облигациях
наше завтра на годы вперёд.
Оно там,
за волжской излучкой
и за самой малой рекой
в родовых рождается муках —
вместе с первой нынче травой.

В ходу

Не утешат ни лесть,
ни водка,
ни награды —
не тем живу.
Прохудилась, но держит лодка,
моя лодка ещё на плаву.
В тихом омуте стойкого быта
потому-то и боль не избыть,
что в былом ничего не забыто,
хоть хотелось скорей бы забыть.
И ташу на себе, как котомку,
неподъёмную тяжесть утрат.
Потому в подворотне котёнка
отогреть за пазухой рад.
Может, так-то и мне отогреться
пустит кто-то к себе,
не спросив,
чем опять стреножено сердце,
где доныне леший носил.
И хоть быт давненько налажен,
но душа-то,
как в клетке,
в быту.
Ей всегда бы —
за саженью сажень,

пусть стреноженной,
да на лету!

Пусть как плетью —
судьба по заливку
ещё вдарит,
но – гой же еси! —
мои годы,
как древние гривны,
всё ещё в ходу на Руси.

Над книгой поэта

Может, это душа на износе?

И друзья —

где вы ныне, друзья?

День июля,

а кажется – осень:

в полдень сумерки,

дождик,

позябь.

Может, это и воля,

и доля,

боль,

которая через край —

вновь читаю стихи твои, Коля,

Коля Слестников,

Николай.

Может, это строчек свеченье

над деревней твоей – Писари?

Птичьим пеньем,

реки теченьем —

слышу я —

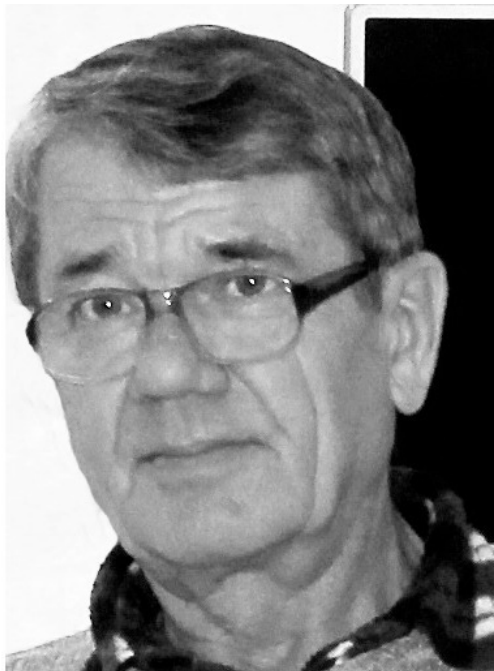
говори,

говори.

Может, это небесная сила
вознесла твои купола?
Пусть хоть там бы
тебе подсластило,
Коля Сладников,
Николай.

И мои, может, лето ли,
осень —
те,
последние,
скоро уже...
А душа всё же не на износе —
просто нет износа душе.

Николай Слaстников

«Сегодня я грущу о той земле...»

Кукарски кружева
всему белу свету известны...
(из рассказов стариков)

Сказали мне, прапрадед мой Самыл
В округе первым грамотеем слыл.
Что сам он из Кукарской Слободы,
Оттуда, значит, и мои следы.

Знать неспроста и *слова кружева*
Рифмуются – прапрадед плёл слова!
Был у Самыла брат Илларион,
Сказали, тоже был весьма умён.

Они пришли – кругом леса, леса...
Какая несказанная краса!
Сказали братья: здесь мы будем жить.
Здесь и деревню надо заложить.

О братьях тех давненько шла молва,
Что, мол, слова плетут, как кружева.
Шли с просьбой к ним со всех пяти сторон —
Во дни торжеств и в годы похорон...

Письмо ли написать, прошение ль в суд —
Все помысли и замыслы несут.
И братьев тех прозвали – *. писаря*
И слово то – что алая заря!

Чудесен мир, где я и жил, и рос!
Среди лесов, среди сестриц-берёз.
Средь величавых лип и тополей,

И места нет на всей земле милей!

Сегодня я грущу о той земле.

Я у камина, в городском тепле...

А предки – на погосте приходском.

Нет ни крестов, ни надписей на нём...

Светлане Сырневой

Невесёлая осень. Размыты дождями дороги.
Не добраться никак до родимой деревни моей.
Вдоль обочин уныло стоят тополя-недотроги,
И роняют последние листья с озябших ветвей.

Невесёлая осень. Уходят друзья и родные.
Всё просторней становится в милой отчизне моей.
Нам с тобою хватило б и малой частицы России,
Только там, где светил нам всегда
добрый взгляд матерей.

А деревня моя заросла – не травой, не травой.
Лес в деревню вошёл – интересный такой.
Тут берёза, там ёлка с сосной поднялись.
Хорошо им расти, только вширь, только ввысь...

Нынче дуб молодой постучал мне в оконце, смеясь:
– Что грустишь? Мы в округе теперь
безраздельная власть!
Завтра в ваши дома мы сквозь окна без стука войдём
И о русской деревне весёлую песню споём.

Дом

I

Ничего не происходит,
Абсолютно ничего.
Просто кто-то ночью ходит
Возле дома моего.

Постучит в мое окошко,
В двери тихо постучит.
Так негромко, так сторожко...
И молчит, молчит, молчит...

Выйду молча на крылечко,
Гляну – нету никого...
То стучит твое сердечко
Возле дома моего.

II

Разобрали дом на бревна
И куда-то увезли...
Стало ровно, ровно, ровно
На краю родной земли.

Стало тихо, тихо, тихо —
Будто не было вовек
Здесь ни скрипа и ни чиха,

Ни саней и ни телег.

Только там, где печь дышала,
Пыль клубится ночь и день.
Тень избы в пыли мерцала,
Удивительная тень!

При луне, при солнце красном
Полночь то или рассвет,
Вижу ясно, ясно, ясно:
Тень стоит, а дома нет...

Мы живём запасами покуда,
Чтоб хранить своё житьё-бытьё.
На столе старинная посуда,
На стене – отцовское ружьё.

В огороде свёкла да капуста,
А в реке налимы да язи...
Жить с запасом – это, брат, искусство, —
Было так и будет на Руси.

Ничего, что мы опять в осаде,
Но у нас запасов на сто лет.
В памяти запас о Сталинграде,
И других три дюжины побед.

Потому и непоколебимы

Так стоим, хотя вокруг вражьи.
Потому вовек непобедимы
Русь моя, Отечество моё!

Коридоры России

Сторона у нас поката, небоскрёбами богата.
Я иду по коридорам одного из тех домов.
И во все глазки дверные на меня глядит Россия
С подозреньем и тревогой: дескать, это кто таков?

То ли тать какой наёмный, то ли мусорщик надомный —
Я иду по коридорам милой Родины моей.
Что же двери все закрыты,
словно здесь кругом бандиты,
И среди них я самый главный,
самый страшный Бармалей?

Где бы мне остановиться?
Верно, та вон дверь – столица,
И за нею восседает сам владыка-государь?
Пригласи меня, владыка, на бродягу погляди-ка.
Может, он тебе напомнит, как жила Россия встарь.

Да, бывали и запреты, да, случались и наветы,
И поэты попадали на крючки больших интриг.
Но пророческое слово – это дар Творца Земного,
Этот дар безмерно тяжек и божественно велик;

Проходил сквозь все орбиты, двери были все открыты,
Были души нараспашку у народа моего.

Нынче ж нет свободной мысли,
словно души все закисли,
И в пространствах коридоров
лишь засовов торжество...

Ночной человек

Если ночью идёт человек, да весёлый к тому ж,
И не важно – проспектом идёт
иль пустыми бульварами,
Он уже вызывает сомнение у охранительных служб,
Потому, как ночами, уж если гуляют, то парами.

Может быть, он с разбоя шагает, бродяга ночной?
Отчего он так весел? И тут же проверят гуляющего.
Все карманы обшарят, найдут лишь огарок свечной.
Не поймут, что ночной человек
возвращается из настоящего...

В перевернутом мире давно мы живём, господа.
Мир наш замкнут на массу тельца золотого.
В генераторе правды перепаяны все провода,
Нет ни ближнего света, ни дальнего
для человека ночного.

Оттого и шагает он, весел, с огарком свечным:
Служба в храме закончена.
Смолкли молитвы святые.
Верно, скоро стану я и сам человеком ночным
И с огарком свечным побреду по дорогам России...

Картина

Стала часто видеться картина,
Будто сквозь тумана пелену:
Чья-то мама собирает сына
То ли в школу, то ли на войну...

Он ещё юнец. Слова картавы.
И совсем не знает, кто . *свои*
Он нырнёт в донецкие кварталы,
Где идут жестокие бои.
Там сейчас железные метели,
И шумят свинцовые дожди.
Нынче ночью «грады» налетели,
«смерчи», «ураганы» впереди...

И доколе это будет длиться —
Ни один не ведает боец.
Те за гривны будут насмерть биться,
Эти за Луганск и за Донецк...

Мама молча перекрестит сына.
Знает: весь характером в отца.
И горит, пылает Украина —
И того, и этого бойца...

Кто мы есть

Вечны в мире и зависть, и лесть,
Подлость всякая, бьющая в темя.
Нам ли спорить о том, кто мы есть —
Бог рассудит и время...
2016 г.

Старый таджик

...Много ещё на деревьях осенней Москвы,
Красной, жёлтой, и даже зелёной листвы.
Старый таджик во дворе подметает листву,
Будто бы всю подметает и чистит Москву.

Старый таджик – гастарбайтер, и это смущает его
Всю его сущность, живое его естество.
Может, на Родине, может, в самом Душанбе
Старый таджик о такой и не думал судьбе.

Радует то, что в соседнем дворе, на Тверском,
Сын его, добрый Анзур, в положенье таком.
Знают, что дома их ждёт молодая Лайло —
В доме от женщины этой тепло и светло.

Есть ещё внучки – Бахор, Азнурат и Барно.
Старый таджик, он не видел их очень давно...
Тёплые письма он пишет порой на фарси,
Как хорошо ему здесь на великой Руси.

Пишет, что дедушка скоро приедет домой,
Только управится с жёлтой московской листвой.
Он им не пишет,
что много ещё на деревьях Москвы
Красной и жёлтой, и даже зелёной листвы...

Всё суета сует, – сказал Эклезиаст.
Да, суета, и кто оспорит это?
Писание стихов – есть суета поэта,
Другой на суету иных искусств горазд.
Скажи, зачем же нам бежать от суеты?
Ведь суетная мне ещё желанней ты!

Восход был чуден: розовое с синим
Переплелись и озарили землю.

И было ощущение весны.
Она пришла, как дева молодая —
Обнажена, ни капельки смущенья,
И лишь глаза зелёные смеются,
Как будто говорят: пойдём со мной!
Но это было только ощущение —
Сентябрь трепал деревья и кусты,
И краски лета тихо угасали.

Мой телефон свистит соловьём.
Я ему задал задачу такую.
Если я вдруг о тебе затоскую,
Ты отзовёшься мне в сердце своём.
Ты набери многозначный мой код —
Мой телефон соловьём запоёт!

Будто бы вновь к нам вернётся весна.
Юность шальная, черёмух кипенье.
И соловьёв неумолчное пенье.
Память тобою одною полна.
Ты набери меня в сердце своём —
Сердце моё запоёт соловьём!

Тихое счастье – отречься от суетных дней,
Уединиться, уйти от случайных явлений.
Сам я себе господин и слуга, и злодей;
Сам я себе надзиратель и узник сомнений —

В это затерянной, всеми забытой глуши,
Где нет ни единой души, ни комарьего лёта.
Только движение света и сердца работа,
Только дыхание мысли – внимай и пиши.

Когда не станет нас

Жизнь разложив свою на страхи и грехи,
Оглянешься назад, где только горстка пыли...
Когда не станет нас, останутся стихи —
Свидетели того, что мы на свете были...

Останутся слова, как зерна бытия.
Года, как жернова, отшелушат полбву.
И песней зазвучит, быть может, мысль твоя,
И человек труда вновь обратится к слову.

Ещё не осень, далеко не осень.
Лишь начинается август свой разбег.
И лес черно- и зеленополосен
Стоит вблизи великих русских рек.

Берёзы и задумчивые ели
Красуются. Хоть век на них гляди.
Лишь кое-где осинки покраснели —
Они всегда чуть-чуть, да впереди.

Так возраст мой подходит понемногу
К незримой той, той роковой черте.
И говорю Творцу я: «Слава Богу,
Что дал мне жить в любви и красоте!».

Уходят друзья-поэты

Светлана Сырнева

Последний дом

Памяти Николая Сластникова

Есть на горе за рекой,
на косогоре крутом
дом одинокий, пустой,
старый, заброшенный дом.

Гибли деревни вокруг —
кто-то его сохранил,
кто-то отшельником жил,
сколько отпущено сил.

Что же наследник нейдёт
прадеда, деда, отца?
Выбиты створки ворот,
выпали доски крыльца.

Старче, воспрянь в синеве,
врытый по пояс в траве,
не позволяй никому
к сердцу пройти твоему!

По вечерам издали,
глядя лицом на закат,
ты восстаёшь из земли,
пламенем окна горят.

Сторож заросших полей,
витязь родной стороны!
Купы твоих тополей
высятся в небе, вольны.

Там у тебя соловей.
Там у тебя, старина,
белых цветущих ветвей
в мае вскипает волна.

Там, поваливши плетень,
там одичавшие, там
вишня, калина, сирень
тянутся вниз к омутам.

Сгинешь когда-то и ты —
тления не избежать.
Старых смородин кусты
будут то место держать.

Может, и надобно так —
прошлое сбросить навек.
Опустошённый маяк,

косо сечёт тебя снег.

И в непроглядную тьму
мёрзлые ветки впились...

Я не скажу, почему

Мы до сих пор не сдались.

Валерий Верстаков

Не земного богатства искати,
Не удачи за гузку имати,
А идёт чудотворец Никола
Души грети, где сиро и голо.
Он идёт, всё бредёт, чудотворец
Меж полей и лесов, и одвориц.
Увидал он поэта Николу,
Тот головушку, ох, свесил долу.
Что ж ты, тёзка, грустишь, молодец наш,
Слов живительных чудо – творец наш.
Тебя даром отметил Отец наш,
И доверил тебе ключ-завет наш.
И вручил тебе чудо творенья —
Дело дивное стихосложенья.
Просиял чудотворец Никола
И наказ дал поэту толковый:
Не тужи, сей глаголом благое,
Покуда душа не зависла в покое!

Галина Кустенко

Коля Сладников, поэт —
вспомним красную рубашку молодости —
выпил немало в день своего юбилея,
и выпили немало в его честь
друзья-поэты.

И как же хорош был этот весенний вечер.
И как же добры мы были в своём полуподвале.
На столе красовались цветы наших первых семинаров,
а в разгорячённом воздухе летали наши первые книжки.

Потом мы открыли настежь окно,
и в него заглянул весёлый ангел.
Это был ангел нашей юности.
Он стал кружиться под потолком
и, спотыкаясь о корявые строчки наших первых стихов,
тоже стал предаваться воспоминаниям.

Мы вспоминали первые наивные стихи,
их неловкие размеры и нескладные рифмы,
частоколы гордых восклицаний и смутные намёки
многоточий,
морок и волнение бессонных ночей,
жар тех уже давних лет.

И так был хорош этот весенний вечер,
Что мы смотрели нежно на взволнованного Колю,
и нам казался он одетым не в пиджак примерно-чёрный,
а в рубаху прекрасно-красную.

И вот уже прощаясь, расставаясь,
жалея вдруг меня за что-то и желая утешить,
вдруг сказал мне Коля —
он так сказал – и я все время помню:

Люблю тебя за то, что ты такая,
такая верная, своя,
товарищ наш на вечные века,
подруга наших первых семинаров.

Евгений Жуйков

Читайте их книги

Уходят друзья-оэты, -п
и каждый —
без лести,
похвал,
всё-таки был планетой,
началом своих начал.

Уходят друзья-поэты
в надрыве души и жил.
А смотрят с обложек,
с портретов,
словно и жил не тужил.

Не всем зачтутся заслуги,
и в званья не всех облачат.
Старатели,
но не слуги —
они, и уйдя, не молчат.

Читайте,
читайте их книги —
они с блокнотик порой,
такие тащат вериги

одною всего-то строкой.

И столько тепла и света
в них через соль и боль...
Уходят друзья-поэты,
как будто в последний
бой.

Валерий Верстаков

Околица души

Видения васнецовских богатырей

По угорам Курчумским с дозором
Они едут
И пристальным взором,
Чтоб дорогу забыл сюда ворог,
Выметают всю нечисть с позором.

Мимо облака, хмурого неба,
Где поля, не родившие хлеба,
Силой духа венчая победу,
Васнецовские всадники едут.

У пруда, где краснеют рябины,
Рябь воды отражает вершины
Древних елей, и в девичьи косы
Жемчугами вплетаются росы

Сонных трав и старинных видений,
И в окрестностях Рябова тени:
Серый волк и царевич с царевой,
И Алёнушки лик незабвенный.

Добрых сказок живые приметы,
И духовные предков заветы.
Охраняют их воины света.
Этим всадникам многая лета!

К полёту первого космонавта

«Космонавт летал – не видел Бога» —
Сотрясала пресса Божий свет.
Вот и я, вбежав домой, с порога: —
«Бабушка, а Бога-то ведь нет!

Кабы был дак космонавт увидел...»
Бабушки печальные глаза
С горьким сожаленьем – не с обидой
Посмотрели – позабыть нельзя.

Ничего она мне не сказала:
(Жалко неразумное дитя)...
Не идёт из сердца эта жалость —
Колет даже много лет спустя...

Запускал с товарищем ракету
И мечталось в небо полететь...
До сих пор я помню дату эту
И глаза, что так могли смотреть...

Памяти Николая Зубарева

К полузаброшенной деревне,
У Моломы у реки,
Где деревья тихо дремлют,
И стареют от тоски,
Приезжал мужик, не старый,
Тароват, в глазах огонь!
У него свирель, гитара,
И жалейка, и гармонь.
Он свирелью и жалейкой
Растравил весь местный люд:
Две старухи – им налей-ко,
Дак они ещё споют.
Вроде бродят еле-еле,
Всё равно козлух пасут.
Хоть семь пятниц на неделе,
Терпеливо крест несут.
– Эдак, эдак, – скажет Анна
На любой соседки вздор.
– Лико, немочь окаянной,
Уронил совсем забор.
Не козёл, а наказание,
Надо, лешего, под нож...
– Эдак, эдак, – скажет Анна...
Что тут со старух возьмёшь?
А мужик на ус мотает,

Примечает, что к чему:
Кто о чём и как здесь бает —
Всё-то нравится ему.
Он и сам отсюда родом,
С детства знает говор тот...
Но всё меньше, год за годом,
Здесьних изб жилых стаёт.
Эти милые старушки
Тоже отживут свой век,
Зарастут травой избушки,
Не заглянет человек...
А пока, в отцовском доме,
На всё лето – не скучай:
Он рыбачит на Моломе,
Пьёт, не только крепкий чай.
На печи корчага с пивом,
На столе в котле судак,
И в клетки висят – на диво —
Вялить рыбу он мастак.
Вечерком затеплим свечку,
Пива пенного попьём.
Ковшик бегаёт на печку,
Пока всё не пропоём.
Я в гостях у друга Коли:
Здесь такая благодать!
В тишине и на приволье,
Только красок больше брать.
Деревенские пейзажи...
Здесь с природой всё в ладу,

Но боюсь, что скоро даже
Той деревни не найду...

Зарастёт травой высокой,
Нынче, знать, таков удел...
Кто же – слышно – издалёка
Всё играет на дуде.
То жалею голос слышу,
То жалею о былом...
И в моей судьбе так вышло —
Я оставил отчий дом...

Приди

Приди, приди,
Сквозь синь приди,
Поёт пичуга в упоенье.
Ликуя, рвётся из груди
Её призывное волнение.

Приди, приди,
И вторит ей
Капли голос торопливый,
Устав чирикать, воробей
Из лужи солнце пьёт игриво.

Приди, приди,
Весна зовёт,
Призывный клич тревожит сердце.
От хладных суетных забот
Ему так хочется согреться.

Приди, приди,
Душа поёт
Приди, приди и солнце светит.
Сияет синью небосвод,
И Пасха светлая грядёт,
И все мы – дети.

Зеркало

Я руку к мутному тяну стеклу,
Касаюсь кончиками пальцев
Руки, которая оттуда
С потустороннего небытия
Всё повторяет...
Я или не я
Глядит оттуда,
Как марионетка —
Не верящая в чудо кукла,
Или моя вторая сущность,
Где правой стала левая рука
И левое всё стало правым?..
Но будущими прошлые века
Не станут, отразившись в настоящем.
Всё настоящее проходит испытанье
В зеркальном отраженьи
И пока
Я вглядываюсь в чудо превращенья,
В себя гляжу не изнутри —
Всё отражает всё
И я всё отражаю,
Но не вбираю, не преображаю,
Сочувствую, и, может быть, люблю,
Как ту луну, что светит светом солнца,
И как бы говорит в ночи:

Постой, подумай, помолчи...

Слушая С. Рахманинова (2-й концерт)

В душу прокрался заутренний звон,
Мерно раскачивал колокол время,
И облаков
Предрассветное племя
Плыло,
Будя задремавших ворон.
В даль, над полями,
Послушной волной,
Он разливался,
И зрели колосья,
И замирали, заслушавшись, лоси,
Ствол опускался смертельный,
Стальной.
Ширью разбуженных вольных равнин,
Птицей,
Несущей на крыльях свободу,
Звуком целебным
Питая природу,
Крепость людскую
До лучших годин.
И, откликаясь на дышащий звук,
Птицы воспели дружнее,
И пчёлы
Их поддержали жужжаньем весёлым,
Мерно им вторил кузнечиков стук...

И по России, где мёд да полынь,
Музыка в души людские вольётся:
Светом ли солнца,
Из сердца глубин
Светом иным —
Отголоском святынь...

Вивальди

Звучала музыка – оркестр Ла Скала —
Она смеялась, плакала, ласкала,
И тайным смыслом в душу проникала...
Украдкой скрипки стройный приговор,
Душе дарил безумные надежды,
И та, под ласками, последние одежды
Отдать готова, но скрипач не вор —
Всё раздавал чарующие звуки,
Кому для радости, кому от скуки —
О вечности шёл скрипок разговор.
Они мечтали, плакали и пели,
Как будто понимали, в самом деле,
Смысл бытия и заданность судьбы,
И пенье птиц, и музыку вселенной,
И, в сочетанье звуков – тайну ворожбы...
И тёмным золотом осенним скрипки лист
С виолончелями качался в мерном звуке,
На синем фоне будущей разлуки,
И он в созвучьях строен был и чист.
Вивальди разливал весну и лето
В бокалы искромётного вина,
Зиму и осень музыкой сполна
Смог выразить и в вечности за это,
Его комета светлая видна,
И музыкой полна планета...

Памяти Ван-Гога

Подсолнухи – солнечный свет
Над всеми страданиями сразу:
От красного золота лет
До нервов, сжигающих разум.
В зелёное золото зла
Вонзается свет поднебесный...
В сосуде земном – не зола,
Там сердце живое и честное.
Там ввысь прорастают в века
Соцветия, словно созвездия...
Под кистью живут облака,
Духовной наполнены бездною.
Под солнцем, под знойным дождём,
С душой, просолённой от пота,
Он знал – его время не ждёт:
Художник на вечность работал.

Эль-Греко

Эль-Греко – мерцание света
Из века,
Где мрачные тени видений
Блуждают и жаждут распятий...
Пожары, костры инквизиций,
Усталые вспышки амбиций
Духовных устоев,
Но стоек
В борении света и цвета
Художник, отдавший за это
Земное любви притяженье.
Всё звонче и пламенной краски,
Нездешнего света горенье,
Духовное, тихое пенье...
Прислушайся только —
Мгновенье
И сам удивишься с волхвами:
У яслей земных —
Поклоненье:
С небесным младенцем Мария
В ночном ожидании вечном,
В ночном немерцающем свете...
Взыскующий гений Эль-Греко,
Летящий в Испанию с ветром,
Каким Феофана Грека

На Русь занесло
Ремесло ли?..
Явились, как промысел Божий,
Различны,
Но в чём-то похожи.
Холсты оживают и храмы,
И славится,
Славится в вечности
Спаситель и сын человеческий...

На околице жизни

На околице жизни стою,
На краю – про коня не пою.
Время мчится быстрее коня —
Память в прошлое манит меня.

Где тот конь, что над вольной рекой:
Не стреножен и не под уздой...
Время-конь, не лети, не спеши,
Дай достойно дойти – для души.

Время ветром летит сквозь меня.
Из меня выдувает коня,
И мне кажется: вместе с конём
Мы опять над рекою идём.

Мы по полю идём над рекой —
Синева разликает порой...
Я у неба и звёзд на виду
По околице жизни иду.

Сумерки

Скромны померкшие краски палитры лесной.
Птиц отголосков не слышно в осенней глуши.
Только рябиновый куст шепелявит листвою:
Золото с пурпуром – праздник для глаз и души.

Будто зажегся в ночи долгожданный рассвет,
Неба бесцветного чужую немую красу.
Чем же ты манишь меня, серый сумрачный свет?
Может, подскажешь рябины осеннюю суть?

Свечи берёз догорают, пытаюсь согреть,
Душу ли зябкую или продрогшую даль.
Даже репейник не хочет, наверно, стареть.
Греет ли поздней любви, догорая, звезда?

Все догорает и в этом природа права.
В сумерках бродит за солнцем седая луна.
Светом холодным лаская дерев кружева,
Так одинока она и всегда холодна.

То не монета, что выпадет решкой, орлом,
Нас утешает, когда за душой ни гроша,
Напоминает, касаясь незримым крылом:
В свете подлунном бесценна одна лишь душа.

Красный конь (сон)

Мне приснился красный конь.
К жёлтым травам гриву свеса,
Он бродил в закатной взвеси
Над притихшей рекой.

Словно кто-то звал меня
Сонной ивы плач послушать.
Тихо вспрядывали уши
У послушного коня.

С ним на водопой вдвоём,
Звёздную росу сбивая,
Не над пропастью по краю,
По тропинке мы идём.

Вдруг, как будто этот конь,
Подхватил меня крылато,
И понёс, понёс куда-то
Над лесами, над рекой.

Чудным облаком горя,
В страстном вихре растворился
Конь,
А я летел, паря,
Крыльями была заря —

Красный конь, что мне приснился.

Песня не допета

Прилетела птица,
Под окошко села.
Что же ты, девица,
Песню не допела?

Иль бродяга-вечер
По дороге к ночи
Намекнул о встрече,
Затуманил очи?

В тот ли вечер дивный
Приумолкли птицы —
Приходил любимый,
Чтобы распроститься?

Отчего та птица
Не поёт – кукует,
Отчего девица
Не поёт – тоскует?

Не кукуй, кукушка,
За седым туманом.
Не тоскуй, подружка,
О любви обманной.

Не грусти, что эта
Песня не допета.
Из весны отпетой
Вызревает лето.

Подойдёт неожиданно,
Новой песней встретит,
И, тобой желанный,
На любовь ответит.

Не звенит сиреню
Под окошком лето.
О поре весенней
Песня не допета.

В память покинутых деревень

«Имба-старуха...»

С. Есенин

Вся зарастает деревня.
Рушится древний уклад,
Как вековухи-коренья
Избы-старухи стоят.

Что же им старым осталось,
Коли детей рядом нет...
В брёвнах-морщинах – усталость,
В окнах потух жизни свет.

Клонятся старые к травам,
Чёрные крыши-платки,
Словно по прошлому траур:
Травы-цветы, как венки.

Как на погосте в деревне,
Лишь покосившийся крест
Кем-то забытой антенны
Молча взирает окрест.

Околица души

Око,
Око ли
Око лица?
Или души околица?
Та, что напомнит страданья Отца,
И о других беспокоится?

Околица души —
Лачуга или горница?
Паломница она или затворница?
Печальница, молчальница,
Пророчица?
Сотрудница, посредница,
Художница?
Невольная былых страстей заложница?
Иль в горний мир она оконница —
Заветная души околица?

Олег Шатков

Из цикла «Одворица»

Изба

Дым стекает на землю из труб – отдыхают Помпеи.
В сером мареве город. Мороз, и стучит зуб о зуб.
Если небо в дыму, значит, живы в домах батареи,
и плевать через стеклопакет на инфекцию труб.

Но решаю вопрос кардинально и диаметралью —
Жерла труб и коробки домов тают в сумраке дня.
Выхлопная труба под ногами поёт музыкально,
приближая реально к намеченной цели меня...

Тишина-то какая! Свобода и воля какая!

Гроздь рябины в опушке, тетёрки узорчатый след.
Через солнечный радужный раструб, обильно стекая,
орошает раздолье пространства оранжевый свет.

Запалю бересту – звонко стрельнут сухие поленья.

Пусть светлые слёзы по стёклам замёрзшим изба.

Загудит дымоход, и услышится трубное пенье,
и дымком вертикальным жильё обозначит труба.

А когда прояснится стекло, заберусь на полати,
сумрак мягко сгустится в углу за печною трубой,

Над избою штормит. Ах, как к месту сейчас, ах, как кста-

ти,

этот ветра кларнет, этот вьюги внезапной гобой.

Как безбольно под них отпадают от сердца скорлупы,
как естественно вдруг под лопатками крылья растут.

Беспроblemную жизнь не сулите мне города трубы —
здесь в избе, у печи, мой достаток, покой и приют.

Русь

** русь – мир, белсвет, (словарь Даля); открытое
тёплое солнечное место, юр – (из говора севера
Вятки, Архангельской области)*

Ночью дождь непрерывно шумел.
Мне казалось, не будет конца.
А проснулся, в окно поглядел —
солнце катится прямо в глаза.

Снова ведро. Вокруг белый свет!
Мирный дух и во всём благодать!
Голос бабушки слышу вослед:
Выставь кринку на русь прокисать!

И я с нею наружу несусь —
молоко выставляю на русь,
там, куда густо свитый плетень
не бросает на лавочку тень,
где лучит с неба свет и тепло
целый день только солнце одно.

Всё парит и прогрето – во двор
гонит силек петух-краснопёр,
и оранжево-лапчатый гусь
вывел тоже семейство на русь.

Хочешь вправо гляди на угор,
хочешь влево – на глянцевый бор,
всё одно – всюду правда и суть,
греет всех благодатная русь.
И куда кринку не уноси,
простокваша дойдёт на руси.

Сотня лет промелькнула, как год —
море, пляж, иностранный курорт,
тучи чёрные с разных сторон —
месяц льёт неуёмный циклон.
И, казалось, не будет конца...
Утром глянул, и – солнце в глаза.
И куда делась мрачная грусть —
смотрит с лоджии отчая русь.
И кричу в иностранной глуши:
«Гой еси! Белый свет на Руси!»
И слетает расслабленность с век,
хочешь жить ещё, минимум, век.

Мизгирь (одинокчество)

Щедро, в глубину и ширь
паутину сплёл мизгирь,
не в лесу, как водится —
сплёл тенёта в горнице.
Толстый, круглый, как пузырь,
думу думает мизгирь:
чем ещё наполнить дом —
настоящий скопидом.
У соседа-живоглота
всё в порядке, и тенёта
караулят каждый звук.
Что ж, на то он и паук.
Без отравы и липучек
мошек нет в избе и мух.

Но отнюдь не из-за мух
стал мизгирь хозяйке друг.
Пусть кому-то не картина,
а в избе – всё животина.
Можно с кем поговорить,
день-деньской укоротить:
«Дождь прошёл, и нет дороги...
Не согнуть в коленках ноги...
Ветхой сделалась ограда...
Со снохою нету лада...

Дочь не едет... В чём причина?

Нет давно вестей от сына...

Может быть заглянет вдруг
на своей машине внук...»

И, качаясь на тенётах,
бабку слушает паук.

Трёт мизгирь о ножки ножки:

«Потерпи, бабушк, немножко,
всё путём, всё хорошо...» Так, глядишь, за разговором
не спеша, но и не скоро
снова длинный день прошёл.

Роща

Запах ржаной испускает труба.
Запахом хлебным встречает изба.
Хочется в рощу? – сходи, только проще
в вятскую избу зайти – вот где роща.

Зёрна проклюнулись, и рощи ради
бабушка с печки сползла на полати.
Незачем жито в корчагах томить,
надо на печке зерно просушить.

Рады и взрослые и карапеты —
роща вкусна, как с прилавка конфеты.
Хлебной липучкой наполнил карман
и – из избы – сам себе гулеван.

День погуляли, вернулись – размолот
сладкий запас в порошок, то есть в солод.
...Солод ржаной – это тоже запас —
будет зимою кумышка и квас.

И на полатях свободно местечко —
греется бабушка снова на печке.

Сильки

Детство прошло, разлетелось пушинками...
Как-то само собой, как-то тишком,
стали цыплята подростками-сильками:
курочкой кто-то, а кто – петушком.
И голенастые, и малорослые
мнят о себе, будто курицы взрослые.
Пробуя перья свои после линьки,
стали бесстрашными, смелыми сильки.

Кучей несутся и вновь разбегаются,
под ноги лезут, в кормушку с пшеном.
А петушок, тот за всех задирается,
пробует спорить с самим петухом,
с птичьим начальником – перед отцом
выставил грудь. А давно ль был яйцом!

Только нахмурился солнечный день —
в небе мелькнула крылатая тень,
словно в белила добавили синьки.
Кинулись прятаться «смелые» сильки.
И забыв про отца, петушок
к маме встревоженной лезет под бок.
Спрятался, словно за каменной башней.
С мамою вместе гораздо бесстрашней.

«Янтарь»

Встав спозаранку, по утрам,
когда день не мешает,
моя бабуля по слогам
Еванглию читает.
И медленно за строчкой строчки
шуршат затёртые листочки.

Присев с ней рядом на кровать
я искренне дивилась:
как можно долго так читать,
ты где читать училась?

Она, прервавшись на тире,
мне объясняла – в янтаре.
«Когда ломали власти храм,
не думали умами,
у них был свой «великий» план —
открыли школу в храме.
По центру, помню, как сейчас,
учился наш, янтарный, класс.
А по бокам не наши —
другие были классы.
Екатеринин, вроде, справа,
А слева... позабыла, право.
Годок далось ученье знать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.